

Аспекты влияния традиций церковного дискурса в автобиографической прозе XIX в.

Светлана Красильникова*

Доцент Московского городского психолого-педагогического университета,
Москва, Россия

(дата получения: апрель 2013 г.; дата принятия: июнь 2013 г.)

Краткое содержание

Данная статья посвящена анализу традиций жанра «духовных грамот» в русской литературе XIX столетия. К одному из современных направлений литературоведения относится изучение автобиографической прозы: автобиография, исповедь, мемуары, дневники, письма и т.п. Исследование автобиографической прозы базируется на изучении контекста исторической феминологии, гендерной истории, а также культуры различных социальных групп (дворян, мещан, священнослужителей). Кроме того, мы подчеркиваем значимость традиций церковного слова и стиля в работах Н.В. Гоголя. Полагаем, что влияние литературной деятельности священника (святителя Игнатия Брянчанинова) на развитие автобиографии в российской литературе было весьма значимым. Доминирующей функцией автобиографической прозы является не литературное, а деловое назначение, то есть посмертная передача потомкам советов и наставлений. Особенно интересна для исследователя проблема преобразования «духовного жанра» в дневниковых формах.

Ключевые слова: автобиографическая проза, Н.В. Гоголь, святитель Игнатий (Брянчанинов), литературная герменевтика, религиозный дискурс, духовная литература.

* Телефон: 8-916-842 80 02; E-mail: mnemozina04@mail.ru

Введение

Одним из актуальных направлений современных литературоведческих исследований является изучение автобиографической прозы (автобиография, исповедь, мемуары, дневники, письма и т.п.) в контексте исторической феминологии, гендерной истории, а также культуры различных социальных групп (дворян, мещан, священнослужителей). В этой связи главная цель настоящего исследования – показать место и функцию жанра «духовной грамоты» в автобиографических произведениях Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями») и святителя Игнатия (Брянчанинова). По сути речь пойдет об истоках традиции учительного пафоса русской литературы Нового времени.

Как известно, особую роль в развитии автобиографического повествования в литературе Древней Руси сыграл жанр «духовных грамот» – завещаний. Доминирующей функцией этого жанра было отнюдь не литературное, а деловое назначение, то есть посмертная передача потомкам советов и наставлений. Жанр духовных грамот был своеобразно использован в самом раннем памятнике киевской литературы XII в. – «Поучении» Владимира Мономаха, включившем в свой текст краткую автобиографию князя. В свою очередь, например, памятник новгородской литературы XIV в. – «Рукописание Магнуша» – содержит рассказ-покаяние шведского короля автобиографического характера. Таким образом, как убедительно показала Н.С. Демкова, рассматриваемая жанровая форма несла в себе и литературную функцию, поскольку в ней допускалось лирическое самовыражение в форме близкой к исповеди, а также различная информация автобиографического характера (Демкова 1982. 23). Здесь мы видим осуществление принципа средневековой литературы: традиционно существующая жанровая форма духовной грамоты – завещания дает возможность многофункционального ее использования. С одной стороны, сохраняется структурная особенность духовной грамоты как жанра деловой письменности, а с другой – «духовная» используется в целях чисто эстетических, завещание становится частью

художественного целого. Таковы, например, литературные функции духовной грамоты в «Поучении» Владимира Мономаха – памятнике, характеризующимся жанровым синкретизмом (элементы поучения, проповеди, автобиографии, духовной грамоты и т.д.)

Основная часть

В древнерусской письменности, начиная с духовной грамоты митрополита Киприана, развивается особый тип монашеского завещания духовного отца – основателя монастыря, вершиной которого являются иноческие завещания и исповедания XVI в (материал рукописных сборников Иосифо-Волоколамского монастыря). Именно в этих текстах, отличающихся повышенной эмоциональностью, использованием стилистики покаянных псалмов и покаянных стихов, разрабатывался исповедальный стиль, который оказал существенное влияние на развитие русской литературы Нового времени. В XVII в. каноническая форма духовной грамоты преобразуется. Функцию «духовной» начинает исполнять покаянная исповедь («Исповедание» Игнатия Соловецкого 1682 г.), публицистическое послание, обличающее идеологических противников (прощальное письмо Аввакума семье), а также собственно поучение («Наставление царю»).

Рассмотрим вопрос о трансформации жанра «духовной грамоты» на основании текста памятника XVII в. «Наставление царю», автором которого, по мнению Л. Лебедева (Лебедева 1989. 154-202), В. Шмидта (Шмидт. 2011) и С. Севастьяновой (Севастьянова 2003. 339), является патриарх Никон. Сочинение открывается традиционным для отеческих преданий началом, цель которого привлечь внимание слушателя. Так, автор просит государя «милостиво сие тетради принять», прочитать «нужнейшие заповеди», «без них невозможно всякому христианину спастися» (Там же. 404). Далее, цитируя Евангелия и тексты апостольских посланий, патриарх Никон создает связанное повествование, композиция которого включает в себя следующие разделы: покаяние с осознанием своего недостойства (правила № 1-5); награды от Бога

исполняющим истину и наказание бегаящим истины (правила № 6-32); защита своего права обратиться с проповедью (правила № 33-70); обязанности слушателя принимать наставления как врачевание души (правила № 71-72). Отметим, что повествование при этом приобретает яркую индивидуально-личностную направленность. Патриарх Никон обращается к царю Алексею Михайловичу прежде всего как к обычному человеку, христианину с призывом к покаянию – главной из христианских заповедей. Тема покаяния человека – сквозная тема всех правил в составе «Наставления царю» патриарха Никона. С.К. Севастьянова, исследовавшая данный памятник, замечает, что данная тема «является отражением его твердого убеждения в том, что внутреннее, духовное преобразование любого человека невозможно без осознания им своей греховности и стремления избавиться от греха» (Там же. 394), что позволяет рассматривать данное сочинение и как духовное завещание.

Следует подчеркнуть, что стиль послания патриарха Никона наследует традициям античной эпистолярной теории, в частности, тезису, согласно которому письмо – портрет души. В этом послании заложена тенденция – стремление личности к осмыслению своего нравственного поведения. Не случайно Никон уделяет большое внимание добродетелям, убеждая царя, что жизнь людей по законам божественной справедливости ведет к гармонии и духовному преобразению каждого христианина, тем самым, распространяя требование осознания своей греховности и стремления избавиться от греха и на самого царя: «Вспоминай тем началом и властем повиноватися и покарятя, на всякое дело благо готовым бытии, ни единого же хулити, несварливым бытии, кротком, всяку показующе кротость ко всем человеком.» (Там же. 406).

Таким образом, в рассматриваемом сочинении появляется новая для XVII в. тема симфонии властей – духовной и светской, при этом духовная власть осуществляет руководство каждым членом общества, в том числе и государем. Рассматривая жизнь человека как путь к очищению и обожению через высоконравственную жизнь, патриарх Никон хотел, чтобы тот, кто стоит во

главе народа, был образец смирения, а не гордыни. В свою очередь важно отметить, что концепт «Смирение» является одним из ключевых в дискурсе «Поучения» Владимира Мономаха. Категориальное понятие «Смирение» при этом используется и интерпретируется как светским (Владимир Мономах), так и духовным книжником (патриарх Никон) в сходном семантическом контексте – внутреннее, духовное преобразование любого человека невозможно без смирения, то есть осознания своей греховности и стремления избавиться от греха.

Итак, совершенно очевидно, что в XVII в. функциональная роль духовных завещаний отражает те изменения, которые происходят в культуре переходного периода. Именно в «Наставлении к царю» патриарха Никона ясно прослеживается стремление воздействовать на жизнь общества, подвигать ее в лучшую, более нравственную сторону. Этот импульс активного подвижничества, а не «отшельничества» в смысле отрешения от мирской деятельности и ее проблем можно ощутить в духовном явлении российского старчества (святые Нил Сорский, Тихон Задонский, Паисий Величковский, Серафим Саровский)

В духовных завещаниях XVIII в. все чаще поднимаются вопросы общегосударственной важности – вопросы воспитания, службы отечеству. В первой трети XVIII в. Посошков пишет «Завещание отеческое сыну», а В.Н. Татищев – свою знаменитую «Духовную».

Новым этапом в развитии и трансформации жанра «духовных грамот» явился XIX век – время расцвета автобиографии-исповеди (Автобиография. 2001). Автор исповеди рассказывает о себе предельно искренне, сближая свое творчество с религиозным ритуалом. Такова «Авторская исповедь» Н.В. Гоголя (1847), написанная по поводу книги «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), где писатель излагает свою жизненную философию, главной ценностью при этом считая «чистосердечность признаний и неподвзятость суждений, выраженных им в последней книге».

Уже в начале 1847 г. Н.В. Гоголь издал книгу «Выбранные места из

переписки с друзьями» – собрание писем-статей религиозно-нравственного содержания, о которой он писал П.А. Плетневу: «Это до сих пор моя единственная дельная книга... Я действовал твердо во имя Бога, когда составлял мою книгу, во славу Его святого имени взял перо» (Гоголь 1937-1952. 110)¹. Подобно патриарху Никону, Н.В. Гоголь как глубоко верующий человек стремился указать путь к очищению и обожению человечества посредством исполнения заповедей Божиих и активное добродетельное, высоконравственную жизнь. В этой связи данное произведение, безусловно, можно рассматривать как «духовную» Н.В. Гоголя.

Это подтверждается, в частности, учительным пафосом, началом и финалом книги Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Они начинаются с «Завещания», со слов о смерти и завершаются главой «Светлое воскресенье», где речь идет не только о самом главном двенадцатом празднике Пасхи в России, но и о воскресении души человеческой, о бессмертии.

Кроме того, на наш взгляд, выбранная писателем форма – письма к друзьям – типологически восходит к жанру духовных грамот – завещаний. Форма писем оказалась наиболее удобной литературной формой, в которую Н.В. Гоголь облек мысли предельной степени искренности. В предисловии к своей книге, написанном с исключительной духовной собранностью, художник сообщает: «Сердце мое говорит мне, что книга моя нужна и что она может быть полезна. Я думаю так не потому, чтобы имел высокое о себе понятие и надеялся на умение свое быть полезным, но потому, что никогда доселе не питал *такого сильного желания быть полезным (курсив мой, – К.С.)* (VIII. 231).

В третьем письме по поводу «Мертвых душ» помещено признание-исповедь: «Во мне заключалось собрание всех возможных гадостей, каждой понемногу, и при всем том в таком множестве, в каком я еще не встречал

1- Далее ссылки на это издание даются с указанием тома и страницы.

доселе ни в одном человеке. Бог дал мне многостороннюю природу...Я не любил никогда моих дурных качеств, и если бы небесная любовь Божия не распорядила так, чтобы они открылись передо мною постепенно и понемногу, наместо того, чтобы открылись вдруг и разом перед моими глазами, в то время, как я не имел еще никакого понятия о всей неизмеримости Его бесконечного милосердия, – я бы повесился...» (VIII. 255). Подчеркнем, что повествовательный стиль в рассматриваемом отрывке можно соотнести со стилем интимного дневника, событиями которого являются факты душевной жизни повествователя. Действительно, «Выбранные места из переписки с друзьями» представляют смешение разнородных мыслей по поводу важных жизненных проблем и мимолетных впечатлений. Однако структурируют литературный «отдел» «Выбранных мест...» в единый цикл три постоянных константы – Бог, Церковь, Слово. Именно эти категории лежат в основе представлений автора «Переписки» о литературе.

За иллюстрацией обратимся к анализу отрывка «Завещания» из книги «Выбранные места...». Текст «Завещания» состоит из небольших по объему фрагментов, каждый из которых является композиционной единицей произведения. Границы каждого фрагмента строго определены: каждый фрагмент начинается с характерной для жанра духовных грамот-завещаний формулы «завещаю». В то же время объединяет ряд фрагментов-миниатюр предтекст – традиционный для данного жанра зачин: «Находясь в полном присутствии памяти и здравого рассудка, излагаю здесь мою последнюю волю». Кроме того, целостность всего текста «Завещания» определяется движением сквозных семантических рядов, повторами ключевых слов, вводящих инвариантные темы «Выбранных мест...» (литература, Россия, творчество). Одна из сквозных тем цикла – вопрос о свете: «Не унынью должны мы придаваться при всякой внезапной утрате, но оглянуться строго на самих себя, помышляя уже не о черноте других и о черноте всего мира, но о собственной черноте» (VIII. 240). «Страшна душевная чернота, - восклицает Гоголь в «Завещании», – и зачем видится это только тогда, когда неумолимая

смерть уже стоит перед глазами!» (VIII. 240). Повтор наиболее частотных в «Завещании» слов с семой 'смерть', дополняющимися в тексте повтором слова *чернота* и других слов, также относящихся к семантическому полю «смерть»: *погребение, прах, уныние, ужас*, определяет целостность текста и эстетически преобразует его. Мир смерти в «Завещании» Н.В. Гоголя одновременно оказывается миром расширяющейся «черноты». В художественном пространстве «Завещания» чернота приобретает значение символическое. Чернота связана в тексте и с рефлексией автора на приближение смерти и загробную участь. Здесь мы можем видеть ориентацию автора на эмоционально-экспрессивную оценку, переживание фактов душевной жизни, в связи с чем возрастает удельный вес эстетически нагруженного слова: «Соотечественники! страшно! Замирает от ужаса душа при одном только предельшании загробного величия и тех духовных высших творений Бога, перед которыми пыль все величие Его творений здесь нами зримых и нас изумляющих. Стонет весь умирающий состав мой, чужа исполинские возрастанья и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся...» (VIII. 240). Таким образом, Н.В. Гоголь говорит о неминуемости Божьего суда, при этом признаки умирания, черноты распространяются автором прежде всего на души людей, отпавших от Бога.

Ключевое слово «любовь» выступает в тексте как антитеза «смерти» и служит средством развертывания мотива борьбы с нею. Любовь для автора «Завещания» – символ божественного света, с ним связываются представления о высших ценностях: «Соотечественники! я вас любил, – любил тою любовью, которую не высказывают, которую мне дал Бог, за которую благодарю Его, как за лучшее благодеяние, потому что любовь эта была мне в радость и утешение среди наитягчайших моих страданий...» (VIII. 241).

Таким образом, рассмотренные нами ключевые слова в тексте «Завещания» Н.В. Гоголя образуют ряд связанных отношениями

обусловленности знаков аксиологического характера, преобразующих бытовую план повествования завещания и одновременно служат ключом к метафорическому плану произведения. Эти константы связаны с традиционными библейскими символами и образами и создают в тексте широкое межтекстовое «пространство». Так, использование в тексте ключевого слова *любовь* опирается на его символическое значение в Священном Писании и святоотеческой патристике – Бог как Любовь, Свет, Слово.

Известно, что Н.В. Гоголь делал выписки из творений святых отцов, Кормчей книги и служебных миней. Тетради его выписок из богослужебных книг и сочинений отцов церкви (около 18 печатных листов) впервые были изданы в последнем собрании сочинений писателя (Гоголь. 1994). Помимо древних отцов Иоанна Златоуста, Василия Великого, Ефрема Сирина, Григория Нисского, Иоанна Синайского и других, Н.В. Гоголь делал выписки из сочинений современных ему духовных писателей: святителя Филарета, святителя Тихона Задонского, протоиерея Стефана Сабинина. Подобным методом чтения – с выписками – традиционно пользовались монахи. Главной задачей «келейного» чтения становилось при этом истолкование внутреннего сокровенного смысла текста. Сам процесс познания христианской символики должен был способствовать спасению души человеческой.

В этой связи сохранившиеся тетради свидетельствуют о том, что Н.В. Гоголь делал выписки не только для духовного самообразования, но и для писательских целей. Он искал пути, чтобы стать именно духовным писателем. Духовное творчество, в свою очередь, имеет строго определенную цель – объяснения смысла жизни человека по христианскому вероучению. В основе данного вида словесности – Священное Писание, а сам автор должен быть православным христианином, иметь благословение на свои труды от священника и основательно знать церковную литературу. Наконец, для духовного писателя необходима вера в Промысел Божий.

В своей книге «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголь

приблизился именно к такому пониманию духовного творчества. Он позиционирует себя с авторами святоотеческих патристических сочинений. В статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность» Н.В. Гоголь определил три источника вдохновения русских поэтов – народные песни, пословицы и слово церковных пастырей. Совершенно очевидно, что эти источники имеют первостепенное значение для эстетики Н.В. Гоголя. В частности, сочинения отцов церкви для него – это в прямом смысле духовные сокровища отечественной книжности. Это тексты особого рода, в них отражен подлинный опыт Церкви, необходимый человеку для его спасения, а не только для увеличения его образовательного потенциала. В этом философский смысл уникальнейшего для русской литературы опыта Н.В. Гоголя, который единственный из светских писателей шел и в жизни и в творчестве путем обожения, воцерковления своих писаний. Этим объясняется и учительный пафос его книги – это не просто письма к друзьям, а духовное завещание потомкам. Его размышления встраиваются в традиционный духовный контекст отечественной литературы. Творения древнерусских книжников подтверждают важнейшую мысль Н.В. Гоголя о предназначении писателя, о назначении литературы, о ее учительном свойстве. Н.В. Гоголь говорит: «Я писатель, а долг писателя – не одно доставление приятного занятия уму и вкусу; строго взыщется с того, если от сочинений его не распространится какая-нибудь польза душе и не останется от него ничего в поучение людям...*всякий писатель должен оставить после себя какую-нибудь благую мысль в наследство читателям* (курсив мой, – К.С.)» (XVIII. 240). Таким образом, Н.В. Гоголь раскрыл метафизический смысл русского письма, который кардинально отличается от использования этого дара в иных культурных традициях. Прозрения-пророчества Н.В. Гоголя выявляют сотериологический характер отечественной словесности, и, соответственно, всей культуры. Иерархия жизненных ценностей сводится к одной высшей идее жизни – идеи Спасения, причем не символического, а реалистического.

Подчеркнем, что найденная Н.В. Гоголем в «Выбранных местах...»

жанровая форма по сути является межжанровым образованием, свободно включающим помимо элементов автобиографических жанров (эпистолярных, дневниковых), дискурсы жанров древнерусской литературы (духовные грамоты, поучения, слова) и святоотеческой книжности (Утешительное послание, Опыт о Провидении Божиим, Здравая философия, Спасительные правила, Богомыслие, Маргариты и т.д.). Перечисленные выше элементы средневековых жанров, в том числе и духовной грамоты, сохраняют в тексте «Выбранных мест...» свою сакральную функцию, оказывая существенное воздействие на художественную структуру произведения.

«Выбранные места из переписки с друзьями» получили серьезную оценку настоятеля Троице-Сергиевой Пустыни близ Петергофа архимандрита Игнатия (Брянчанинова) в одном из его писем: «Виден человек, обратившийся к Богу с горячностью сердца. Но в деле религии этого мало... можно сказать, что книга издает из себя и свет и тьму. Религиозные понятия - неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного. Он писатель, а в писателе непременно *«от избытка сердца уста глаголют...»* тут между многими правильными мыслями много неправильных... Советую всем друзьям моим заниматься по отношению к религии единственно чтением святых Отцов, стяжавших очищение и просвещение по подобию апостолов, потом уже написавших свои книги, из которых светит чистая Истина и которые читателям сообщают вдохновение Святого Духа...» (Епископ Игнатий 1996. 293). Н.В. Гоголь в свою очередь смиренно согласился с отцом Игнатием, заметив при этом, что «нужно быть глубоким душевидцем, нужно почувствовать и услышать страданье той половины современного человечества, с которой даже не имеет случая сойтись монах», – Гоголь имел в виду тех, кто не ходят в Церковь. Однако в главном были духовно едины Н.В. Гоголь и будущий святитель Игнатий (Брянчанинов) – ревностном просвещении Божиим России.

Вопрос о литературной деятельности священнослужителей (патриарх Никон, святители Тихон Задонский и Игнатий Брянчанинов, схиархимандрит

Иоанн Маслов) до сих пор мало изучен. В современном литературоведении понятие «духовная литература» имеет множество определений: «христианская», «православная», «религиозная», «церковная» (В.Н. Захаров, И.А. Есаулов, А.М. Любомудров, П.Е. Бухаркин, В.А. Котельников) (Евангельский текст...). Тем не менее, не выявлены четкие критерии, позволяющие провести границу между светскими писателями, в творчестве которых присутствуют религиозные мотивы, и духовными (церковными) авторами. Данная работа, не предполагает теоретических выводов относительно указанной проблемы. Она также посвящена анализу конкретных текстов, автором которых является духовное лицо – святитель Игнатий (Брянчанинов).

Литературно-богословское наследие святителя Игнатия, родившегося на Русском Севере и принадлежавшего к одному из древнейших дворянских родов, включает в себя самые разнообразные по жанру и стилю сочинения. Многие из них представляют собой лирико-богословские эссе, философские опыты, этюды, максимы, стихотворные и прозаические миниатюры. Особое место в этих маргинальных жанрах занимает образ автора, аналогичный образу автора дневника. Автор является здесь одновременно субъектом и объектом повествования. Здесь прослеживаются характерные для образного мира дневника средства создания образа (называние деталей характера человека и его оценок, воспроизведение бытующего мнения о человеке, личные оценки).

Так, например, в лирико-философском этюде «Кладбище» автор воспроизводит свои субъективные чувства – воспоминания, возникающие в ходе посещения могил предков в родовом селе Покровское. Весь текст ориентирован на внутренний мир, на субъективное переживание фактов душевной жизни. Специфику автобиографического дискурса определяют знаки церковной книжности. Как православный, воцерковленный автор, о. Игнатий включает в сферу своих воспоминаний элементы церковного богослужения, молитвы.

Текст «Кладбища» состоит из двух фрагментов, каждый из которых является композиционной единицей произведения – самостоятельной миниатюрой, где на первый план выступает личность автора. Эту проникнут идеей почитания предков, которая передается через прием поэтического сопоставления красоты земной в образе листка на дереве с красотой вечной, Божественной. Стиль произведения при этом характеризуется образностью, афористичностью, установкой на разговорную интонацию, что в целом характерно для жанра эссе: «Земля, земля! Сменяются на поверхности твоей поколения человеческие, как на деревьях листья. Мило зеленеют, утешительно, невинно шумят эти листочки, приводимые в движение тихим дыханием весеннего ветра. Придет на них осень: они пожелтеют, спадут с дерев на могилы, истлеют на них. При наступлении весны другие листочки будут красоваться на ветвях, и также – только в течение краткой череды своей, также увянут, исчезнут. Что наша жизнь? Почти то же, что жизнь листка на древе!» (Цитируется по: Максимова, Данильченко-Данилевская 2003. 148).

Данный текст можно рассматривать как рефлексию святителя Игнатия на эмоциональное переживание темы смерти. Епископ Игнатий постоянно ощущал духом суетность и кратковременность земной жизни. Вся земная жизнь христианина, по мнению о. Игнатия, должна быть школой для приготовления к вечности. Именно такое понимание смысла жизни христианина содержится в его сочинении «Слово из вечности» (Епископ Игнатий 1996. 323-324). Добродетельная жизнь делает христианина уже на земле причастником неба. В смысловом пространстве данного текста мысли святителя Игнатия о вечности имеют характер духовного завещания и передаются при помощи исповедального стиля: «Товарищ мой! из общих наших сокровищ вечности скажи им за меня простое, необходимейшее для них слово: «Земная жизнь – мгновенное, обманчивое сновидение. Вечность – неизбежна... Стяжите ж вечность блаженную вниманием, послушанием, всесвятыми словами и заповедями всесвятого Бога... и приходите ко мне на светлый вечный Праздник, каждый в свое, самим и единым Богом

непостижимо назначенное время» (Епископ Игнатий 1996. 324).

Совершенно не исследовано эпистолярное наследие святителя Игнатия. Большая часть писем и посланий епископа Игнатия опубликована, но данные тексты издавались в основном как документы, анализ их литературных особенностей не проводился. В 1967 г. к столетию со дня блаженной кончины епископа Игнатия в Московской Духовной академии впервые было составлено «Полное собрание писем...» известного архипастыря общей численностью 1425 страниц и включающего 835 писем. Сюда вошли все изданные письма иерарха, а также 200 писем, найденных в различных архивах.

«Полное собрание писем...» – письма к монашествующим, мирянам, родным и друзьям – содержит множество наставлений и советов в духовной жизни христианина, прекрасно отображает личность великого подвижника русской земли – преосвященного Игнатия и включает биографические сведения. В этой связи интересным направлением анализа эпистолярной прозы иерарха могут стать наблюдения над формами репрезентации биографического автора в духовной прозе святителя. Важно подчеркнуть, что в многочисленных письмах епископа Игнатия к мирянам по поводу осмысления краткости человеческой жизни, неотвратимости смерти и личном спасении каждого через осознание своих грехов, есть мысли предельной степени субъективности. Они свидетельствуют о потребности автора проникнуть в глубины личности, найти способ утешить и ободрить человека верой в будущее воскресение из мертвых. Здесь можно обнаружить знакомые нам традиции «духовных грамот», трансформировавшиеся в элементы жанра интимного дневника. Так, например, в письме № 443 – Завещании Епископа Игнатия, адресованному брату Петру Александровичу – мы видим соответствующие жанру духовной грамоты топорсы– «Видя себя пришедшим в крайнее изнеможение», «Прошу Вас принять на себя распоряжение всем моим имуществом». В то же время святитель Игнатий вставляет в текст завещания и религиозный дискурс молитвы, тем самым воспроизводя типичный порядок дискурса духовного завещания церковного лица: «Милосердный Господь, по

единой милости Своей, да отверзнет мне врата милосердия своего, да примет в них сиротствующую и нищую душу мою из среды многомятежного мира сего, да успокоит ее во Царствии Своем» (Епископ Игнатий 1996. 376).

Заключение

Таким образом, автобиографические сочинения Н.В. Гоголя и святителя Игнатия (Брянчанинова) – наиболее показательный пример воцерковленного творчества – когда художник в слове выражал не свое, а Божье, т.е. относился к слову именно как к авторитетному, требующему сначала понимания, разгадывания его смысла, а затем воспроизведения и ответа. Несмотря на различие литературной истории, стиля, темы, рассмотренные выше сочинения обоих авторов имеют не только формальную текстуальную связь, но и единую цель, и общую идею. Эта идея – духовное завещание потомкам законов христианской нравственности. А цель, подобно цели большинства произведений древнерусской литературы разных жанров, в том числе и духовных грамот, – направить читателя на путь истинный: путь искреннего покаяния, любви и веры.

Литература

- Автобиография (2001). *Исповедь. Записки. Мемуары // Литературная энциклопедия терминов и понятий* / под ред. А.Н. Николюкина; Институт науч. информации по общественным наукам РАН. Москва. Изд-во "НИПК «Интелвак»".
- Гоголь Н.В. (1937-1952). *Полн. собр. соч.: в 14 т.* Т. XIII. Ленинград. С. 110.
- (1994). *Собр. соч.: В 9 т. Т. 8./ Сост., подготовка текстов и комментарии В.А. Воропаева, И.А. Виноградова.* Москва. Изд-во "Введенского ставропигиального мужского монастыря Оптиной Пустыни".
- Демкова Н.С. (1982). *Жанр «духовных грамот» и развитие автобиографического повествования в литературе «переходного периода» (Вторая половина XVII-начало XVIII вв.) // Проблемы литературных жанров. Материалы четвертой научной межвузовской конференции.* Томск. Изд-во "ТГУ".
- Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков.* (1994, 1998, 2001). Вып. 1-3. Петрозаводск. Изд-во "ПетрГУ".

Епископ Игнатий (Брянчанинов) (1996). *Письма о подвижнической жизни (555 писем)*. Москва., Paris. Изд-во "Кругиц. Патриаршее подворье; Bibliotheque Slave de Paris".

Лебедев Лев, протоиерей. *Патриарх Никон* (1982) // БТ. М., Сб. 23.

Максимова Л., Данильченко-Данилевская В. (2003). *Духовный цвет нации: святитель Игнатий (Брянчанинов), 1807-1867 // Литературная учеба. Кн. 3.* Москва. Издательский дом «Литературная учеба».

Севастьянова С.К. (2003). «*Наставление царю*» патриарха Никона. Текст // *Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона»*. СПб. "Дмитрий Буланин".

----- (2003). *Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона»*. СПб. "Дмитрий Буланин".

Шмидт В.В. (2000). *Религиозно-философские воззрения и система богословия патриарха Никона*: Дисс. ... канд. филос. наук. Москва.

جنبه‌های تأثیر سنت‌های گفتمان کلیسایی در زندگی‌نامه‌های خودنوشت منثور سده نوزدهم

سوتلانا کراسیل نیکووا*

دانشیار دانشگاه دولتی روانشناسی و علوم تربیتی مسکو، مسکو، روسیه

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۳؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۱۳)

این مقاله به تحلیل سنت‌های نوع ادبی «اسناد دینی» در ادبیات سده نوزدهم روسیه می‌پردازد. مطالعه زندگی‌نامه‌های خودنوشت منثور یکی از حوزه‌های جدید ادبیات به حساب می‌آید که شامل زندگی‌نامه‌های خودنوشت، اعترافات، خاطرات، یادداشت‌های روزانه، نامه‌ها و مانند آن است. پژوهش زندگی‌نامه‌های خودنوشت منثور بر پایه فمینولوژی تاریخی، تاریخ تبارشناسی و همچنین فرهنگ گروه‌های مختلف اجتماعی (اشراف، پیشه‌وران، کشیشان) استوار است؛ علاوه بر این، ما بر اهمیت سنت‌های کلام و سبک کلیسایی در آثار گوگول تأکید می‌کنیم. نگارنده معتقد است که تأثیر فعالیت‌های ادبی یک کشیش (ایگناتی بریانچانینوف) در گسترش زندگی‌نامه‌های خودنوشت در ادبیات روسی بسیار چشمگیر است. وظیفه اصلی زندگی‌نامه‌های خودنوشت منثور، ادبی نیست، بلکه کارکرد عملی دارد: یعنی انتقال پند و اندرزها پس از مرگ به نسل‌های بعدی. نگارنده به‌ویژه به مسأله تحول «نوع ادبی معنوی» در شکل یادداشت‌های روزانه توجه نشان می‌دهد.

واژه‌های کلیدی: زندگی‌نامه‌های خودنوشت منثور، ن.و. گوگول، کشیش ایگناتی (بریانچانینوف)، تأویل ادبی، گفتمان دینی، ادبیات معنوی.